

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ПРЯЖИ

КЛАРА ПАРКС

как я
связала
свою судьбу

«Клара Паркс исследует вязаное полотно своей жизни и доказывает, что она настолько же искусно владеет словом, насколько и спицами».

ДЕББИ СТОЛЛЕР, автор бестселлеров о вязании

Handmade life story. Книги о жизни и о любви

Клара Паркс

**Заклинательница пряжи.
Как я связала свою судьбу**

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Паркс К.

Заклинательница пряжи. Как я связала свою судьбу / К. Паркс — «Эксмо», 2013 — (Handmade life story. Книги о жизни и о любви)

ISBN 978-5-04-095127-7

Вам предстоит уникальное и увлекательное чтение: пожалуй, впервые признанные во всем мире писатели так откровенно и остроумно делятся с читателем своим личным опытом о том, как такое творческое увлечение, хобби, казалось бы, совершенно практическое утилитарное занятие, как вязание, вплетается в повседневную жизнь, срастается с ней и в результате меняет ее до неузнаваемости! Знаменитая писательница Клара Паркс настолько же виртуозно владеет словом, насколько и спицами, поэтому вы будете следить за этим процессом с замиранием сердца, не имея сил сдержать смех или слезы, находя все больше и больше общего между приключениями и переживаниями героини книги и своими собственными. Эта книга для тех, кто не мыслит своей жизни без вязания, а еще для тех, кто только начинает вязать и ищет в этом занятии более глубокий смысл, нежели создание вязаной одежды, – ведь время, проведенное за вязанием, бесценно.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-095127-7

© Паркс К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	6
О притворстве и уверенности	10
Кое что о шишечках	14
Удачный разрез	17
Танец петель	20
Дураков нет	23
Как растет ваш сад?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Клара Паркс

Заклинательница пряжи.

Как я связала свою судьбу

Clara Parkes

THE YARN WHISPERER: MY UNEXPECTED LIFE IN KNITTING

Text Copyright © 2013 Clara Parkes

First published in the English language in 2013 by Abrams an imprint of Harry N. Abrams, Incorporated, New York

ORIGINAL ENGLISH TITLE: THE YARN WHISPERER: MY UNEXPECTED LIFE IN KNITTING

В оформлении переплета использована иллюстрация:

Shpadaruk Aleksei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

MiniDoodle / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Парнюк Л.В., перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Звание «рок-звезды вязания», присужденное газетой Bangor Daily News¹, сравнимо со званием «Лучший ресторан пакистанской кухни». Такая честь! Но это точно не поможет вам в последний момент получить свободный столик в ресторане Le Bernardin² или рыцарский орден из рук королевы. Да и вряд ли швейцары когда-либо станут распахивать двери перед знаменитыми вязальщицами. И все же после более чем десяти лет напряженной работы, упорства и усердия я вдруг с удивлением узнала, что именно так меня и называют. Повезло мне.

Ну и как же выглядит рок-звезда вязания, спросите вы. Для затравки – я сознательно проживаю в городке с населением в 910 человек, редко ложусь спать позже 10 вечера, а мой вариант погрома в гостиничном номере предполагает лишь похищение солонки и перечницы (дважды!) – хотя в свою защиту могу сказать, что я оставляю *очень* щедрые чаевые.

Я могу материться как сапожник, но при этом остаюсь отчаянно преданным другом и сделаю почти все от себя зависящее, чтобы никого не обидеть.

У меня не было «нормальной» работы вот уже двенадцать лет. Как же я скучаю по регулярным зачислениям денежек на карту и по оплачиваемому отпуску, и – божечки! – как мне не хватает шикарного страхового медицинского полиса.

С тех пор как я связала свою жизнь с пряжей, я прожила уже с десяток жизней. Временами захватывающих, иногда полных тревоги и поражений. На моем пути встречались потрясающие виды и перспективы, было и несколько крутых поворотов, кочек и ухабов, способных выбить из колеи. Мои внутренние подушки безопасности срабатывали не раз. Но дорога всегда вела меня вперед. Мне повезло, и я благодарна.

Ну и в заключение один простой факт: я люблю пряжу. Пряжа завораживала меня, сколько я себя помню. Когда я впервые попросила свою бабушку – маму моей мамы, которая сыграла значительную роль в моей вязальной жизни, – научить меня вязать, то, собственно, речь не шла о том, как связать что-то конкретное; я просто хотела знать, что *вообще можно сделать с пряжей*. Я знала, что в ней скрыта энергия, и, выполнив ряд простых действий собственными руками, я могу эту пряжу оживить. Мотки пряжи казались мне книгами на иностранном языке; и как же я хотела научиться их читать.

Некоторым вязание необходимо, чтобы почувствовать себя счастливыми. Они упорно сплетают нити в полотно, проходя метр за метром, как газонокосильщики, анализируя свои мысли и заботы в процессе вязания. Или вяжут одну вещь за другой – аккуратные завершенные шедевры. Я же совсем непоследовательна в вязании, мне больше интересен сам процесс путешествия, чем финальный пункт назначения. Но мне очень нужна пряжа. Для меня она – истинная сущность всего лучшего в вязании: возможность, открытая дорога, безграничный потенциал. Как земля, на которой мы трудимся, как еда, которую мы едим, пряжа дает жизнь.

Много лет назад, еще в Сан-Франциско, я работала редактором одного технического журнала, содержание которого на самом деле было мне совсем непонятно.

¹ Ежедневная утренняя газета, крупнейшая по тиражу газета штата. Издается в г. Бангоре, штат Мэн. Тираж – около 74 тыс. экз. Досл. перевод «Ежедневные новости Бангора».

² Le Bernardin (транслит. «Ле Бернандин») – очень популярный и дорогой ресторан французской кухни в Нью-Йорке.

Я вернулась в вязание спустя годы, и это был долгожданный глоток свежего воздуха для моей затравленной души. Недалеко от своего офиса я обнаружила магазин пряжи; он стал для меня островком спасения в обеденный перерыв.

Мои запасы за неделю заметно разрослись – пряжа, спицы, разные инструменты, инструкции, книги. Много, много книг. Большинство из них были руководствами и сборниками узоров. Я хорошо запомнила одну книгу под названием «Вязание в Америке». Это был сборник вязаных моделей и узоров, и все они были слишком витиеватые и замысловатые для моих умений. Но что мне особенно нравилось в этой книге – это то, что она рассказывала о разных людях со всей страны, которые поняли, как заниматься тем, что они любят. Они зарабатывали на пряже, на разведении животных, на окраске шерсти, на создании дизайнов... их пути были разными, но пункт назначения одинаков. Я чувствовала родство с этими людьми, словно я наконец-то обрела свой народ.

Быстренько отмотаю несколько лет вперед. Я переехала в Мэн, подрабатывая внештатным сотрудником, все еще в технической сфере. Вместе с моим коллегой мы каким-то чудом открыли собственную редакцию. Первоначально мы собирались рассказывать о людях, которые нашли свой путь, о тех, кто живет в согласии со своими внутренними убеждениями, а не в противоречии с ними. Я – писатель.

Мой коллега напигивывал меня разными именами и историями, которые, как он считал, подходят для проекта. Человек, который оставил свою семью ради путешествия на паруснике вокруг света за один год. Еще один, который сделал целое состояние на инвестициях. Третий – автогонщик.

Я же открыла свою проверенную книгу «Вязание в Америке» и нашла в ней свои собственные истории. Я выбрала Маргрит Лорер и Альбрехта Пихлера³, основателей Morehouse Merino⁴, которые, будучи успешными городскими жителями, умудрились создать полноценную параллельную жизнь в сельской местности к северу от Нью-Йорка. Я написала о них историю, столько позаимствовав из «Вязания в Америке», что практически балансировала на грани плагиата.

Сам процесс создания истории столь мне близкой – физический процесс прохождения слов сквозь мой разум, сквозь пальцы на клавиатуру, на экран и в конечном итоге на бумагу – заряжал меня энергией. Получилось так легко и так быстро, словно я наконец-то снова заговорила на родном языке, после того как многие годы пользовалась чужим. Я была дома.

Когда я поделилась историей со своим коллегой, вот что он ответил: «Ну я понял, что история тебе нравится. Но ты серьезно? Овечки?»

Вот и все, что мне нужно было услышать. Я вежливо отложила этот проект, и всего четыре месяца спустя опубликовала первый выпуск Knitter's Review⁵. Каждую неделю я публиковала вдумчивые исчерпывающие обзоры пряжи, инструментов, книг и событий, которые формируют вязальный опыт. Это был сентябрь 2000 года. Можно с уверенностью сказать, что с тех пор через мои пальцы прошли сотни метров пряжи; я встретила тысячи людей, написала миллионы слов.

Истории – как дома. Мы видим их фасад, общую конструкцию, удачное расположение. В окнах горит свет, и так хочется зайти внутрь. Задача писателя – найти нужную дверь. Если это получится, остальная часть путешествия будет легкой. Я нашла эту дверь; мое приключение стало даром. И сегодня, открывая страницы «Вязания в Америке», я понимаю, что совершенно случайно многие персонажи этой книги стали моими личными друзьями. Такой скачок от кумира до друга совершенно невероятен.

³ Margrit Lohrer, Albrecht Pichler.

⁴ Morehouse Merino (транслит. «Морехаус Мерино») – частная компания, торговая марка шерсти и пряжи.

⁵ Knitter's Review (транслит. «Книттерс ревью») – обзоры пряжи, инструментов и прочего для вязальщиц.

Помню свою встречу с Мег Свонсен⁶ в 1995 году, на моем первом вязальном мероприятии Stitches West⁷. Уже под завязку нагрузившись пряжей, я завернула за угол и подошла к стенду с книгами. За столом стояла красивая женщина. Она повернулась ко мне и улыбнулась ослепительной электризующей улыбкой.

Время остановилось, пока мой ум не сопоставил все факты и я наконец не осознала, что передо мной стоит Мег Свонсен – знаменитость, учитель, дизайнер, писатель и дочь Элизабет Циммерман. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, я разинула рот, но не смогла выдать ни словечка. Я просто сбежала. Двенадцать лет спустя мы сидели вместе под сливовым деревом после первого дня Sock Summit⁸ в Орегоне, вязали и болтали. И только когда мне удалось избавиться от всех ярлыков, который мы зачастую навешиваем на знаменитых людей, я поразилась открытию Мег как человека – ее мудрости, ее чувству юмора, ее ранимости, всему в ней.

Самая удивительная часть моего путешествия – люди. Мои скитания в поисках хорошей пряжи и историях о ней сводили меня лицом к лицу с поразительно разными людьми, которых при иных обстоятельствах я бы никогда не встретила:

Мелинда Кьярум⁹. Разводит исландских овец в Миннесоте (когда самый старый баран в стаде, Иван, был еще жив, она каждый вечер натирала его артритные суставы настойкой из болотной мяты).

Юджин Уайт¹⁰. Фермер, который разводит овец породы меринос. Игрет на тромбоне, чтобы отпугнуть койотов, и частенько цитирует Пруста в своем блоге.

Мелани Фалик. Автор книги «Вязание в Америке», волею случая редактирует книгу, которую вы держите в своих руках. Мой круг замкнулся.

Мир вязания значительно изменился с тех пор, как я впервые попала в него. Теперь все двери широко распахнуты. Теперь у каждого есть гораздо больше возможностей найти свое место в этом мире. Теперь мы знаем все о техниках, которые используем, и о том, как они появились. И теперь у нас есть выбор – больше чем когда-либо.

Купить пряжу просто. Всего пара щелчков мышкой – и сразу видно, что другие люди думают об этой пряже, что они из нее связали, понравилось ли им и сколько пряжи у них осталось.

Можно найти десятки, даже сотни моделей и инструкций – и посмотреть, какую пряжу другие люди использовали для этих моделей, что они думают о них и как *они* их вязали.

Отбросьте ненужную болтовню, абстрагируйтесь от окружающего, и все, что у вас останется, – пряжа. В этом и заключается настоящее приключение, это ключ к моему сердцу. Хорошая пряжа куда лучше, чем любой столик в Le Bernardin.

В Викторианскую эпоху люди часто общались друг с другом с помощью цветов. Это называется *флориография*. Цветок акации – символ тайной любви, маргаритка призывала к терпению, а цветы груши означали крепкую дружбу. Но, как и в детективах Агаты Кристи о мисс Марпл, некоторые цветы были предвестниками опасности, обмана и даже смерти. Женщины «общались» с помощью цветов, вкладывая в них гораздо более глубокий смысл, чем можно выразить словами.

А что если с пряжей мы делаем то же самое, создавая образцы и одежду, которые, если правильно их расшифровать, могут рассказать свои собственные истории? Лицевая гладь, резинка, косы и жгуты, даже просто пряжа – все это мгновенно пробуждает в памяти места,

⁶ Meg Swansen – дочь знаменитой Элизабет Циммерман («бабушки американского вязания»), автор книг, инструкций по вязанию, также унаследовала компанию своей матери по продаже пряжи и инструментов для вязания.

⁷ Stitches West досл. «вязание на западном побережье» – ежегодное мероприятие в США, объединяющее ярмарку, мастер-классы и семинары по вязанию, выставку товаров для рукоделия и т. п.

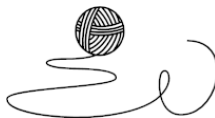
⁸ Сок Саммит досл. «Носочная конференция» – ежегодная встреча по вязанию носков.

⁹ Melinda Kjarum.

¹⁰ Eugene Waytt.

времена, людей, беседы – все те трогательные и мучительные моменты, которые мы спрятали в глубинах своей памяти. Со временем эти петельки складываются в карту нашей жизни.

Эта книга – сборник моих собственных размышлений о пряже и петлях. Почему мы их вяжем, как они складываются в вязаное полотно и какой вклад они внесли в полотно моей собственной жизни. Жизнь – это петля. У нее есть начало, середина и конец. Она служит определенной цели, и если повезет, то получится нечто большее, чем просто сложение ее отдельных фрагментов.

О притворстве и уверенности

По окончании колледжа я сразу же устроилась на работу в отдел по работе с клиентами в Macy's¹¹ в торговом центре «Бейфер Молл» в Сан-Леандро, штат Калифорния. Четыре года в высшем учебном заведении, беглый французский, умение ориентироваться в произведениях искусства, как выяснилось, стоили ровно двадцать центов. Мне предложили зарплату в 6 долларов 10 центов в час, а затем подняли до 6 долларов 30 центов, приведя в качестве аргумента мой диплом.

За две недели стажировки я научилась делать всякое, что моя должность вовсе не подразумевала, например, работать за кассой, выдавать наличные и кредиты, а еще взвешиваться на весах в женской раздевалке. Потом начальница отвела меня в сторонку и уверила, что отдел по работе с клиентами гораздо лучше остальных отделов. Это путь к карьерному росту. Я же стою за *стойкой администратора*. Усердно работай и получишь повышение, говорила она. Вот, глянь на нее, она работает за этой самой стойкой с момента открытия в 1957 году.

Мой отдел находился в конце коридора с низкими потолками, флуоресцентными лампами и линолеумом на полу, все это явно отдавало обреченностью советской эпохи. Я встречала клиентов, стоя за пластиковой стойкой с кнопкой посередине. Нажми, и откуда-то сзади раздастся *динь-дон* старомодного дверного звонка. Люди обожали эту кнопку. Одна женщина пришла повоевать за покрытую застарелым жиром скороварку, которую намеревалась вернуть, хотя скороварке явно было уже немало лет и чека на нее не было. Она плюхнула своего годовасика прямо на прилавок, и тот стал непрерывно давить на кнопку.

«Чем я могу вам помочь?» *Динь-дон, динь-дон.*

«Ага, эта штуковина не работает (*динь-дон*), а менять на другую (*динь-дон*) мне не хотят». *Динь-дон.*

Высокая перегородка позади стойки скрывала служебное помещение без окон, зато с несколькими пустыми столами и скрипучими стульями, серыми металлическими шкафчиками для бумаг и ковром, который когда-то был бежевым. Это было мое укромное убежище.

Я понятия не имела, что я делала. Ни малейшего. Я была конечной инстанцией для тех, кто приходил за однозначным ответом. А я не могла назвать часы работы магазина, не подглядывая в шпаргалку. Хозтовары? Думаю, на этом же этаже. А, не, погодите, наверное, на втором этаже. Простите, секундочку, сейчас я проверю.

Телефон постоянно звонил. «Я только что купила набор простыней и постирала их, а теперь передумала, я могу их вернуть?» Да откуда я знаю? Сначала я записывала все сообщения, пыталась найти ответы и перезвонить. Но звонки все не прекращались. И я просто переводила звонки в режим ожидания, пока на том конце провода не бросали трубку.

¹¹ Macy's – одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США.

Стопки записок все росли, и, в конце концов, я стала запихивать их в свою сумочку и выкидывать по дороге домой. Мне казалось, что меня поставили управлять атомной подлодкой. И неважно, на какую кнопку я нажму, все равно что-нибудь взорвется.

По пятницам в мои обязанности входило выдавать зарплату коллегам. Они стояли в ожидании, нетерпеливо постукивая пальцами по столу, пока я выискивала конверты с их именами, склонившись к специальному ящику под стойкой. Мужчины особенно старались помочь мне сориентироваться в алфавите. Они нависали над стойкой и заглядывали в ящик с конвертами вместе со мной. «Это Д... погоди, ты сейчас на Г, следующая буква...» Мне понадобилось ровно две недели, чтобы понять, – они просто пытались заглянуть в вырез моей блузки.

Магазин постоянно втюхивал кредиты, предлагая вечное «10 процентов скидки, если вы откроете у нас кредит». Сотрудникам выдавали лотерейные билетки каждый раз, когда кто-нибудь открывал кредитный счет. Даже я выиграла 200 долларов, которые тут же потратила в ювелирном отделе, купив часы Movado¹² со скидкой для сотрудников. Но если кому-то отказывали в кредите – а такое частенько случалось – этого несчастного отправляли ко мне за плохими новостями. Они уже знали, что им грозит, но все равно приходили. Я издалека могла опознать кредитную заявку, накрепко зажатую в кулаке бедолаги. Они понятия не имели, в чем проблема. Все же было прекрасно. Их кредитная история была идеальной. А им так нужен тот кожаный диван. «Это ужасно», – говорила я, изображая удивление и негодование. Я была хорошим полицейским, а отдел выдачи кредитов – плохим. «Сейчас я позвоню и выясню, что не так».

Я брала эту измятую, заляпанную заявку на кредит, поднимала трубку и звонила кредиторам – а они уже рассказывали мне, как все обстоит на самом деле. У этого парня уже три непогашенных кредита в компании, все в процессе взыскания. И он наврал про своего работодателя. У него задолженность по алиментам на ребенка уже девять месяцев. Есть ордер на его арест, и я должна срочно укрыться в безопасном месте и вызвать полицию.

Моя работа состояла в том, чтобы выслушать все это, не меняя выражения лица. А потом я должна была пересказать все это человеку, стоящему передо мной, но так, чтобы он молча кивнул и ушел, а не начал кричать, умолять, рыдать или распускать руки. Во мне нет ни капли «радости тюремщика». Я охотнее разделю с людьми их боль и смущение. Я чувствовала себя виноватой и такой ничтожной, и так ужасно, что именно мне приходилось сообщать плохие новости людям, которые наверняка уже знали, что их ждет. Вот она я, только что из колледжа, с хорошей кредитной историей и постоянной работой. Кто я такая, чтобы говорить этому парню, что он не заслуживает нового набора для столовой?

Но мне в голову пришла странная и освободительная универсальная истина: **имитация уверенности вполне оправдывает себя**. Все эти люди со своими помятыми скороварками и поддельными заявками на кредит? Чаше всего они не вовсе не собирались открыть мне свою душу и пойти со мной рука об руку в поисках решения одновременно справедливого и беспристрастного. Нет, им просто нужен был ответ, четкая линия на песке, граница. Даже если этот ответ был «я не знаю», преподнести его должен был человек, излучающий непоколебимую уверенность. И если таковая была, они просто кивали и уходили прочь. Вот и все.

Для меня это стало и откровением, и проблемой. Меня не так воспитали, чтобы излучать уверенность. Меня воспитали соглашаться, поддерживать и выделяться как можно меньше. Вы наверняка знаете мою маму по таким хитам как «Что же мне заказать?» и «Мне холодно? Надеть ли мне свитер?». А мой отец более тридцати лет благополучно отсиживался вторым гобоем Рочестерского филармонического оркестра и предпочел бы, чтобы его заживо сожрали волки, чем вызвали на бис. Меня не учили брать руководство на себя. Я могу рассказать, как молча мочь, как утаить обиду, как мученически страдать, да так мелодраматично, что сама

¹² Movado – один из известнейших производителей дорогих часов.

Мерил Стрип будет брать уроки. Но стоять прямо и говорить: «Сэр, вы должны уйти или мне придется вызвать охрану, чтобы выпроводить вас отсюда» – такого в моей ДНК заложено не было.

Знаете, насколько проще наводить порядок в чужом доме, а не в своем собственном? Ну вот, то же самое относится и к эмоциональным домам. Я поняла, что оказалась в живой лаборатории, где никто не знал меня настоящую, это давало возможность поэкспериментировать и побыть кем-то еще – тем, кто не испытывает угрызений совести, четко обозначая границы, и смело указывает людям, что им делать. Все равно я не собиралась оставаться здесь надолго, так какого черта? Я неохотно, но все же стала той самой женщиной в аккуратном офисном костюме, чье имя никто даже и не пытается запомнить, чьи туфельки из натуральной кожи деловито *цокают*, пока она расторопно вышагивает туда-сюда, говоря вам «да» и «нет». И чем больше я забавлялась игрой в эту альтернативную сверхсамоуверенную персону, тем спокойней и проще мне работалось. Не то чтобы я нагло лгала людям, а просто вела себя так, будто знала *все*.

Мой срок в Масы's был коротким.

С началом осени я сдала свой бейджик и отправилась во Францию по стипендии для преподавателей. Поддельная Клара была утрачена в переводе, и весь следующий год я провела, чувствуя себя совершенной самозванкой. Но у меня все еще есть часы Movado, и я до сих пор восхищаюсь силой притворства.

В вязании, так же как, скажем, в управлении атомной подлодкой, притворство – не такая уж хорошая идея. «Пусть все идет, как идет, а там посмотрим» редко заканчивается чем-то толковым. Именно так в конечном итоге получается водолазка, в которую не пролазит голова, носок без пятки или подлодка, застрявшая в Антарктиде, хотя по плану она должна быть где-то в Мексиканском заливе.

Ирония в том, что я снова вернулась к работе, где люди постоянно задают мне вопросы. Моя электронная почта стала таким виртуальным отделом по работе с вязальными клиентами, заваленным бесконечными запросами о пряжах, нитях, моделях, породах овец, магазинах и разных местах по всему миру. Я стараюсь ответить на каждое письмо, но они все приходят и приходят, и иногда, как и с теми записками, я признаю свое поражение и нажимаю «удалить». Что-то я знаю, что-то – нет. Я пытаюсь помочь, когда могу.

Вопросы – это любопытная штука. Замечали ли вы, как часто мы задаем вопрос, с ответом на который уже давно определились? Мы просто закидываем удочку, чтобы посмотреть, выберете ли вы тот же ответ, что и мы. *На самом деле* нам не важно, что вы думаете о разнице между шерстью мериносовых овец и альпакой, также как не особо хочется знать, что вы думаете о нашем никчемном парне. Нет, мы просто хотим узнать, считаете ли вы, так же как и мы, что из этого мотка желтой пряжи получится симпатичный шарфик. Неважно, что я отвечу, все равно – либо вы купите эту пряжу, либо нет. Либо вы останетесь с Гари, либо порвете с ним.

По правде говоря, даже если пряжа вдруг станет опасна для жизни, мой ответ и тогда не будет иметь никакого значения. И я на это надеюсь, потому что бремя принятия решений за других людей слишком тяжело для моих плеч.

Когда я начала заниматься выпечкой в своем маленьком кафе, небольшая подработка, которая помогала преодолеть очередную навязчивую идею, я вдруг снова оказалась в торговом центре «Бейфер Молл». Я не профессиональный шеф-повар. Я – фанатичный пекарь-моучка. По весу, что клиенты видели, это человек за прилавком. С первого же дня вернулись старые вопросы из Масы's. «Что такое Milky Way?» – спрашивали они. «Насколько крепкий кофе макиато?» Какое соевое молоко мы используем? Они приносили мне свои резюме, они просили меня подписать накладные о доставке, они предупреждали меня о протекающем бачке в туалете или пустом дозаторе мыла.

Я удивляюсь, как мало я обо всем этом знала. До жути мало. Но я все же помню старую привычку: стой прямо и излучай свое невежество так, чтобы его приняли за непоколебимую уверенность. Никому не хочется слушать человека, который нечленораздельно мямлит, что ничем не может помочь, – им нужен тот, кто уверенно кивнет и, возможно, скажет, кто им *может* помочь. Когда я переключилась с жизни самозванца-пекаря на более комфортную для себя жизнь знатока вязания, моя уверенность, кажется, никуда не делась. То, что я считала сплошным обманом со своей стороны, на самом деле оказалось своего рода, не побоюсь этого слова, искренностью. Может быть, тот первый урок, полученный в Масу's, был не о том, как притворяться или стать величайшей самозванкой, каковой я себя считала, а о том, как преподносить себя уверенно, кем бы и чем бы я ни являлась.

В конце концов, разве Элизабет Циммерман воодушевляла бы нас вязать со страхом и неуверенностью? Нет. Ее точные слова были: «Продолжайте вязать, с уверенностью и надеждой, преодолевая все препятствия». Так я и поступлю.

Кое что о шишечках

Моя бабушка по материнской линии всегда носила водолазки. Но только к концу ее жизни, когда старческое слабоумие уже взяло свое, ее длинные косы были обрезаны, и исландские свитера сменились домашними халатами, я открыла причину этому: вся ее грудь и шея были покрыты россыпью мерзких мясистых бородавок. По словам моей мамы, в один из летних дней 1957 года мой в высшей степени тактичный дедушка невольно фыркнул: «Руфь, надень водолазку, эти штуки выглядят отвратительно».

С того самого момента она никогда больше не выходила из дома, не прикрывшись. Я не могу найти ни одной фотографии, где она была бы в купальном костюме, шортах или даже в рубашке с короткими рукавами. Когда они приезжала к нам в гости в Аризону, где температура колебалась в районе 40 градусов жары, на ней неизменно была водолазка, длинные рукава которой демонстративно защищали ее тонкие запястья.

Это был ее собственный вариант паранджи, прятавшей викторианскую скромность, за которой скрывалось ее болезненно хрупкое эго. По семейным преданиям, она даже в пижаму переодевалась в шкафу. Забавно, что моя бабуля, так тщательно скрывающая под одеждой свою шею, неистово добавляла шишечки во все, что она вязала, словно обезумевший шеф-повар с кондитерским мешком. Используя какой-то бесконечный запас грязно-белой камвольной шерсти, которая закупалась неизвестно где, она украшала один чехол для подушки за другим сложными аранами, отличительной чертой которых было непомерное число шишечек.

Шишечки – что бородавки вязаного полотна, пухлые наросты, выступающие и болтающиеся, манящие детишек, приглашающие пощупать руками, отвлекающие взгляд и пожирающие километры пряжи. Но если бородавки появляются всегда внезапно, когда меньше всего ожидаешь, то шишечки возникают только тогда, когда мы сами хотим их создать.

Шишечку формируют, добавляя несколько петель к одной ничего не подозревающей петле, вывязывая их туда-сюда независимо от остального полотна, а затем соединяя их в одну исходную петлю – а та вновь присоединяется к своим подружкам как ни в чем не бывало, но только с огромным горбом на спине. «Кто? Я? Ой, да это все лишний кусочек тортика, ха-ха», – нервно хихикает она, втискиваясь в толпу петель. Шишечка – это стыдливый шепоток, услышанный всеми, помарка, бросающаяся в глаза, выходные в Лас-Вегасе, заснятые на камеру.

Как и для прочих объемных трехмерных объектов, мы придумали кучу способов сделать шишечки лучше, плотнее, компактнее. Мы теперь знаем, что, если добавить и провязать несколько петель поэтапно, ряд за рядом, получится более округлая и прочная шишечка.

Мы открыли, что, если захватить соседние петли во время вязания, получится более прочное основание для полноразмерной шишечки. Мы обнаружили, что, если вязать шишечки слишком близко друг к другу, в конечном итоге вырастет одна большая несимпатичная супер-шишища и что гораздо разумнее разделять шишечки большим количеством лицевых петель. Обвисшие шишечки? Попробуйте провязать скрещенную петлю в ряду над той петлей, в которую вы добавили шишечку.

И как бы мне ни хотелось сказать, что шишечки прекрасны (по мнению их создателя), но на вкус и цвет товарищей нет. **Ничто так не смущает, как две несуразно провязанные шишечки на свитере взрослой женщины. Нет уж, гораздо лучше равномерно распределять их по всему вязанию.**

Но будьте осторожны. Безрассудное и опрометчивое добавление шишечек может быть опасным, потому что избавиться от них впоследствии будет невозможно. Добавить новые – без проблем. Но уж точно нельзя отделить их от свитера, заклеить пластырем и ожидать, что все заживет само собой. Срежьте всего одну шишечку, и соседние петли тотчас же разверзнутся во все расширяющуюся бездну. Шишечка все равно останется, пока смерть не разлучит вас.

Многие вязальщицы относятся к шишечкам так же презрительно, как к соседской брехливой собачке или к неуклюжему дому на колесах, который еле тащится по шоссе. Вязать их кропотливо и утомительно, постоянно приходится жать на тормоза, когда вы только-только начали разгоняться. Связать свитер с шишечками – это как сходить в музей с подругой – наверняка у вас есть такая, – которая останавливается возле каждой картины и читает все описания под ними слово за словом. И вот вы уже стоите в дверях, мечтая поскорее добраться до зала импрессионистов, а она все еще топчется среди прерафаэлитов, читая еще только вторую строчку на третьей карточке четвертой картины.

Даже само слово «*шишечка*» не сулит ничего хорошего. Оно означает неровности, дефекты, наросты, которые все портят. Я сразу представляю себе бугры, комя земли из-под копыт лошади, которая неудачно стартует в скачках, проскальзывая в грязи. Аналогично спортсмен, промахнувшись по мячу, падает и набивает шишки. **Набивать шишки – это расплачиваться за свои ошибки, допускать промах, терять самоконтроль – это именно то, что люди думают, когда вы начинаете повсюду расставлять шишечки.** Конечно же, и я так думала.

Подозреваю, что шишечкомания заражает тех, кто неуютно чувствует себя в четырех голых стенах и невзрачных комнатах. Для них безбрежная гладь лицевых петель – это как пустой подоконник без единой ракушки или статуэтки, с которой можно отправиться в плавание. Их первое инстинктивное желание – немедленно поставить что-нибудь на это пустое место, и шишечки – это любимые статуэтки вязальщиц. Они украшают и акцентируют трехмерный язык петель, это привкус точки под восклицательным знаком, это комочек жвачки на тротуаре, это тканевая опухоль.

Я довольно равнодушно относилась к шишечкам, пока в один прекрасный день не увидела Жакет. Связанный из объемной пряжи, с шокирующе глубоким воротом из шишечек, гармонирующим с не менее значимыми полосами вдоль обеих манжет в обворожительном стиле 1960-х а-ля Джеки О¹³. Я была очарована. Эти шишечки не были скромными или неприметными, это были горделиво красноречивые буфера Долли Партон¹⁴, словно отекающие копытами лошадей на каждом свободном сантиметре вязаного полотна. Они создавали ячейки сот из петель, полные плюшевой, волокнистой сладости, которую я находила просто неотразимой.

Внезапно, вопреки всякому здравому смыслу, я почувствовала, что глубоко внутри вязальной меня зашевелилось острое желание: желание схватить спицы и создать такой жакет для себя самой.

Получится ли у меня, связав это истинное шишечное наваждение, превратить уродство в очарование? Смогу ли я подружиться с шишечками? Я должна была попытаться.

Рекомендации по километражу пряжи уже намекали мне, что это будет долгое путешествие. На создание кофточки, аналогичной по размеру и форме, обычно требуется около 770

¹³ Жаклин Кеннеди-Онассис.

¹⁴ Долли Ребекка Партон (англ. Dolly Rebecca Parton) – американская кантри-певица и киноактриса, «королева кантри». Знаменита не только своей активной музыкальной деятельностью, но и обладанием грудью значительных размеров при росте в 152 см и пристрастием к облегающим костюмам.

метров пряжи – и это если использовать толстую и объемную. Но эта малышка хотела целый километр, а может, и больше. Я заказала 1280 метров плюшевой шерстяной пряжи, посчитав, что всегда могу связать из остатков подходящую шапочку и рукавички в таком же шишечном стиле (с кем поведешься...).

Набрав петли по нижней кромке, я приступила к вязанию, продвигаясь вверх. По схеме сначала нужно выполнить рукав-реглан, а потом – уже в самом-самом конце – увенчать жакет под горлышко нагромождением шишечек. Работа над основной частью прошла очень быстро, мои спицы легко штамповали ряды лицевых петель.

И стоило только поймать себя на мысли – «Да я закончу уже к концу недели», как я со всего маху въехала в шишечки. Говорят, что вождение машины в Америке имеет две крайности – вы давите на газ, разгоняясь по новой ровной дороге, а в следующий момент асфальт внезапно заканчивается, и вот уже приходится вилять между рытвинами, настолько большими, что в них легко поместится джип. После крейсерской скорости вязания ровной лицевой глади пришлось переключиться на первую передачу, размышляя, успею ли я добраться до следующего города к закату.

А потом что-то произошло. Тумблер в моем нетерпеливом мозгу вдруг отключился. **Я перестала обращать внимание на время и скорость; я перестала с нетерпением ожидать следующий и последующий ряды. Я погрузилась в глубокое и медленное удовольствие от настоящего момента, от каждой провязанной петли.** Я с удовольствием наблюдала, как форма становится округлой, как она растет и, наконец, вызревает в полноценную шишечку. Я волновалась, когда приходила пора ввести каждую новую шишечку домой, в семью петель.

Мне нравилось смотреть, как остальные петли принимали новичка, даже голова шла кругом, когда шишечки медленно и степенно появлялись на моих спицах. Я ощущала чувство солидарности со своей бабушкой, со всеми вязальщицами шишечек до меня. Они тоже столкнулись с этой тайной и крепко хранили ее. Они терпели презрительные ухмылки и закатывание глаз антишишечников, беспечно продолжая свой жизнерадостный путь. Теперь и я понимала.

Я люблю этот жакет с шишечками больше, чем любую другую вещь, когда-либо связанную мной. Я не уверена, что он мне к лицу. Но, когда я надеваю его, легко могу вычислить в толпе шишконенавистника и почувствовать связь с шишечным братством, с теми, кто знает эту тайну. Мне нравится, как лежит воротник, мне нравится, как он украшает и защищает мою шею, на которой уже прорастает россыпь собственных шишечек.

Кстати говоря, на прошлой неделе я сходила к дерматологу для ежегодного обследования. Она посмотрела на мои веснушки, измерила жуткую родинку на спине, а потом взглянула на шею.

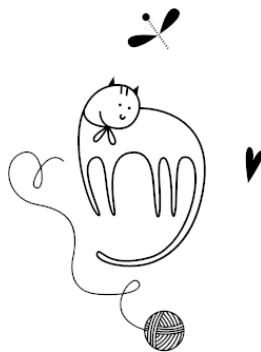
«Если это доставляет вам неудобства, мы можем их удалить», – сказала она.

На мгновение я задумалась. Я подумала о своей бабуле и ее водолазках, и насколько легко она могла бы удалить свои бородавки. Но она этого не сделала.

«Знаете... – ответила я, – мне и так нормально, спасибо».

Удачный разрез

Когда мне было восемь, вернувшись однажды домой из школы, я обнаружила, что все вещи в нашем доме на Биттерсуит-роуд в Рочестере, штат Нью-Йорк, уже упакованы и отправлены, а мне предстоит тащиться в машине на запад – далекий, далекий запад – и в эту поездку отправится только один из моих родителей.

Если бы к этой истории была написана музыка, то именно в этом месте игла соскочила бы с виниловой пластинки. Мы встретились с отцом в парке, я и мои братья, попрощались с ним, а мама все это время сидела в машине. Потом мы уехали. Вот так просто.

Для моей мамы это было начало новой прекрасной жизни, полной счастья и новых открытий. Для меня, сидевшей на заднем сиденье машины без кондиционера, в компании с хлорофитумом, телевизором Sony и угрюмыми братьями, это было первым настоящим эмоциональным откровением за гранью сказочного королевства, упавшего на асфальт мороженого или сломанной игрушки.

Мое сердце еще недостаточно загубело, чтобы защититься от того, что происходит. Машина увозила нас все дальше и дальше от дома, и я не могла остаться равнодушной ко всему, что видела из окна. Столько всего нового. Открыто-закрытый бассейн в гостинице Holiday Inn в штате Иллинойс, река Миссисипи, настоящая пальма, холл отеля, где выступала группа с песней «You Are the Sunshine of My Life» и где мне впервые разрешили попробовать имбирный эль.

Мы продвигались все дальше и дальше, через удушающую жару и все более пустынный пейзаж. С каждым штатом, который мы проезжали, моя мама становилась все радостнее, а я и мои братья – все нетерпеливее. Я помню, что мне было жарко и неудобно. Мой фотоаппарат, лежащий под задним стеклом машины, практически растаял к тому моменту, как мы въехали в Техас. Конечным пунктом назначения был город Тусон.

Но это не был современный Тусон, с его многоэтажными курортами, великолепными полями для гольфа и торговыми комплексами на открытом воздухе, оборудованными кострищами, кондиционерами, замороженным десертом джелато¹⁵ и бутиком Tiffany. Это была сухая плоская равнина, которая запоминалась лишь тишиной и блеклыми цветами, как на старой выцветшей киноплёнке.

Мы добрались до места в сумерки и остановились в отеле Howard Johnson чуть в стороне от автострады 10. В воздухе так сладко пахло, а на парковке прямо из горки камней росла зеленая колючка. Я была очарована. Нежный пушок между колючек напоминал бархатистую кожу персика. В тот вечер я усвоила первый урок пустыни: нельзя гладить кактус, незави-

¹⁵ Джелато, также желато (итал. gelato, от лат. gelātus – замороженный) – популярный итальянский замороженный десерт из свежего коровьего молока, сливок и сахара с добавлением ягод, орехов, шоколада и свежих фруктов.

симо от того, насколько мягким он кажется. Понадобилось несколько дней, чтобы вытащить все крошечные колючки из пальцев. Добро пожаловать в Аризону.

И да, моя мать напоминает мне, что все мы знали о переезде за несколько месяцев, и я даже помогала упаковывать вещи.

А еще она говорит, что уезжали мы августовским утром, а *не внезапно* в один из дней после школы. И умом я понимаю, что это правда. Но мой мозг восьмилетнего ребенка сохранил эти впечатления несколько иначе, и уже вряд ли что-то сможет их изменить.

Если отрезать часть единого целого, это неизбежное потрясение для всей системы. То, что когда-то было целым, теперь раскололось. **Перережьте нити вязаного полотна, и петли быстро распустятся, отступая в панике назад к дому, которого больше нет.** Но такой разрез очевидно открывает и новые возможности, любопытно же, что может быть на этом новом полотне.

Есть и простой способ, безболезненный. Сначала нужно принять ряд мер под общим названием «стик»¹⁶, чтобы подготовить петли к тому, что их ожидает, и помочь им пережить потрясение, исцелить, не оставляя шрамов, и даже расцвести в новой для них среде. По мнению Элис Стэрмор¹⁷, «стик» – это старошотландское слово, которое означает «ожесточение сердца» или «запирание ворот», – подходящий способ описать действия для подготовки петель к *возможно* столь травмирующему опыту. И по сей день во мне еще живут спущенные петли, оставшиеся от того внезапного разреза, когда мне было восемь лет. Любимая чашка может разбиться, ручку могут случайно выкинуть, неожиданные перемены внезапно свалятся на меня, и вот я уже охвачена паникой, которая, как я знаю, с настоящим никак не связана.

Правильный разрез – это гораздо больше, чем просто взмах ножницами. Он начинается с набора нескольких «лишних» петель, они укрепят края разреза, и вязание не расплзется. Прежде чем выполнить разрез, нужно проложить строчку на швейной машине или надвигать несколько рядов крючком, чтобы укрепить кромки этих лишних петель.

Надежно укрепите берега, и тогда поток петель никогда через них не прорвется. На самом деле, когда эти первые шаги выполнены, сам разрез становится уже таким простым, что даже скучно. Вместо того чтобы оплакивать разрыв петель, ваше вязание будет наслаждаться новым пейзажем.

Мы любим стики прежде всего за то, что они позволяют выполнять красочные затейливые узоры Fair Isle¹⁸ круговым вязанием без лишней возни с изнаночными рядами. Можно просто переключить коробку передач в позицию «вязать» и давить на газ, наматывая круг за кругом, пока все не будет закончено. Затем просто убираем стик, распускаем проймы, и не успеете оглянуться, как вы уже на финишной прямой. Забудете добавить стик, и ваш свитер в лучшем случае станет забавным чехлом для подушки.

Разрез стика – это важная часть жизни в вязании, практически совершеннолетие. Так же как розам необходима обрезка, саженцам – прореживание, стикам нужен разрез, если уж вы хотите получить из вязаного полотна нечто значимое. В конце концов, нам всем приходится обрезать нити, связывающие нас с родным домом, чтобы обрести независимость.

К тридцати годам я осознала, что моей жизни тоже требуется разрез. Работая в Сан-Франциско, я все время ходила по замкнутому кругу. На моей впечатляющей визитке была указана крутая должность. Я связала роскошное полотно, но оно мне не совсем подходило. Либо я должна была остаться в этом кругу навечно, двигаясь все менее уверенно и пытаясь

¹⁶ РАЗРЕЗ В ЖАККАРДОВОМ КРУГОВОМ ВЯЗАНИИ Steek (шотл.) – соединять, делать переход. Так как полотно связано по кругу, необходимые проймы или разрезы переда жакета ПРОРЕЗАЮТ. Чтобы не повредить полотно, вяжутся вставки. Это вставки можно рассматривать как припуски на переходах от спины или переда к рукавам либо к планкам у жакета.

¹⁷ Элис Стэрмор – профессиональная вязальщица, фотограф и автор книг по рукоделию, родом из Шотландии.

¹⁸ Fair Isle – традиционный способ жаккардового вязания, получивший название в честь одного из Шетландских островов (Шотландия).

приспособиться и соответствовать полотну, либо сотворить что-то ужасное: разрезать все эти петли и посмотреть, что из этого выйдет.

Для такого разреза мне нужно вернуться обратно через всю страну на восток, в Мэн, к моим детским летним воспоминаниям. Теперь нас двое. Моя подруга Клэр и я вместе вяжем это новое полотно.

Нам понадобилось три года, чтобы создать достаточно большую вставку из метафорических «лишних» петель, которые приняли бы на себя разрез и оградили нас от его последствий. Но на этот раз водителем была я. Теперь я сама села в машину и отправилась в свой новый дом на другом побережье.

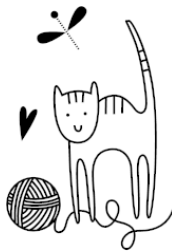
Утром 30 апреля 1998 года мы заперли двери нашей квартиры и отдали ключи хозяину. Сели в машину – чистые до блеска стекла, свежее масло, новые покрышки, полный бак бензина – я вставила ключ в зажигание, сделала глубокий вдох и схватилась за ножницы.

На разрез ушел почти целый месяц. Мы не торопились, по дороге посещая людей и места, которые сыграли важную роль в формировании наших жизненных петель. Мы хватались за ножницы по очереди. В Мэн мы приехали накануне моего двадцать девятого дня рождения, стик был полностью разрезан, а мы чувствовали себя одновременно и возбужденными, и обессиленными. Отопление на лето отключили, и в квартире было очень холодно – а может быть, меня знобило, ведь моя изнанка теперь была беззащитно обнажена.

Еще несколько месяцев ушло, чтобы зашить все концы нитей. С годами сочетание цветов и узор слегка изменились. Кое-что я распустила, кое-где сделала еще разрезы, но основа полотна остается прочной и все еще продолжает развиваться, как и я. Как знать? Может быть, в один прекрасный день мы снова погрузимся в машину и отправимся на запад, назад в края пальмовых деревьев, растаявших фотоаппаратов и обилия солнца. Или, может, мы направим свой драндулет в совершенно новом направлении, аккуратно разрезая новый стик, и посмотрим, что будет дальше. Главное, что теперь ножницы в *моих* руках.

Танец петель

Три вещи подводят итог нескольким первым годам моей жизни в Тусоне: рамада, родео и сквэр-данс¹⁹. В мой первый день в начальной школе имени Питера Э. Хауэлла нас попросили после перемены собраться под рамадой. Чего? Я приехала из местности с ярко выраженными временами года, где приходилось играть в помещении чуть ли не половину учебного года. Здесь же, в стране вечного солнца, на игровой площадке, похожей на поверхность Луны, над прямоугольной бетонной плитой установили плоский навес на металлических столбах – единственное место, где можно было спастись от солнца, – и называлось оно, как я узнала в тот первый день, – рамада.

А еще Тусон познакомил меня с родео. До этого единственное родео, о котором я знала, – был балет Аарона Копленда²⁰ в постановке Агнес де Милль²¹, который шел в Театре американского балета²² как раз в тот год, когда мы уехали из штата Нью-Йорк.

Пока мой папа играл в оркестровой яме, мы с моей лучшей подругой Кэрол смотрели балет, сидя в первом ряду. В антракте я провела ее через потайную дверь – театр Истмена был в те времена моей игровой площадкой, – но дверь за нами захлопнулась. Мы оказались заперты в крошечном вестибюле, остальные две двери тоже были закрыты на ключ. Мы колотили по каждой из них, пока одна не распахнулась, открыв нам магический мир закулисы.

Помощник режиссера, – он знал моего отца – провел нас внутрь. Единственный путь обратно в зал вел через дверь с другой стороны сцены, объяснил он нам, а за сценой пройти нельзя, потому что антракт уже почти закончился. Но он предложил кое-что получше: постоять на парапете за кулисами, так, чтобы зрители нас не видели, и посмотреть балет оттуда. Я помню потрясюще красивых балерин, которые вставали в ящики, напоминающие кошачьи лотки для взрослых, они натирали песком пуанты, пристально глядя на сцену, а затем вдруг выпархивали туда из ящиков, сверкая широкими улыбками. Вот о чем я подумала, когда услышала слово «родео».

Но версия Тусона не имела ничего общего с миром Копленда и де Милль. Было жарко, громко и пыльно. Мы сидели на переполненных трибунах, липких, пахнущих пивом. Мужской голос бубнил в громкоговоритель как жужжащая муха, монотонно и неразборчиво. Где-то среди клубов пыли какие-то люди что-то вытворяли на лошадях. Кажется, я видела парочку коров, а может, как их называют, быков? Я не знала.

¹⁹ Сквэр-данс (англ. square dance, в переводе «квадратный танец») – народный танец, который появился в США. Последовательность танца заранее неизвестна, а определяется по ходу командами ведущего. Команды во всех странах мира подаются на английском языке, не переводятся.

²⁰ Аарон Копленд (англ. Aaron Copland; 14 ноября 1900, Нью-Йорк – 2 декабря 1990, Норт Тарритаун, Нью-Йорк) – американский композитор, пианист, дирижер и педагог.

²¹ Агнес де Милль, иногда Агнес Де Милль (англ. Agnes George de Mille, 18 сентября 1905, Нью-Йорк – 7 октября 1993, там же) – американская танцовщица и хореограф.

²² Американский театр балета, также «Американ Баллэ Тиэтр» (англ. American Ballet Theatre, ABT) – американская балетная труппа, основанная в Нью-Йорке в 1940 году как «Театр балета» (англ. Ballet Theatre).

Клоун был совсем не похож на любого из тех счастливых цветастых рональд-макдональдских цирковых клоунов, которых я видела прежде. Этот был весь в пыли. Видать, переживал не лучшие времена. Я представила, что он живет в товарняке и ужинает ломтиками мяса гремучих змей, зажаренными на палочке над костром.

Он вытворял сумасшедшие трюки и время от времени нырял в бочку, чтобы его не топтали, а публика ему аплодировала.

На тот момент Аризона была штатом всего лишь шестьдесят четыре года, и здесь все еще царил дух Дикого Запада. В школе даже был официальный выходной – «каникулы родео» – как раз, чтобы мы все успели полазить по фургонам переселенцев, побывать на ярмарке и попробовать поарканить и поугонять скот.

Как же я тосковала по великолепным балеринам, гарцующим в ящиках с песком, по скрипучим деревянным полам Ботсфордской школы танцев, по пианисту, который аккомпанировал нам, пока мы кружились в танце, представляя себя прима-балеринами. Я скучала по зеленой траве под босыми ногами. Мне не хватало и высоких зеленых деревьев, и пушистого снега, и отца в его голубом кашемировом свитере.

А потом был сквэр-данс, который, как я вскоре открыла, был не менее значимым школьным предметом, чем математика, физика или ежедневное чтение вслух клятвы верности флагу США. Каждую неделю мы гуськом спускались в столовую, выстраивались в шеренгу и шагали под бесконечные нудные команды и старомодное треньк-бреньканье из маленького магнитофона на сцене. «Бу-бу-бу», – бормотал ведущий, иногда призывая нас «*alemande left*²³, за-а-а партнером, до-си-до»²⁴, и снова монотонное беспорядочное «бу-бу-бу». Мы неповоротливо шагали туда-сюда, не попадая в ритм, словно неуклюжие китайские солдатики.

Сначала я чувствовала унижение, но потом во мне что-то щелкнуло. Гармония математического порядка происходящего поглотила все мои тревоги по поводу мальчиков, грудей или запаха пота. Мне нравилось, как наши движения синхронно повторялись вместе, как часовой механизм. Ничего личного.

Не нужно было ждать, что мальчик пригласит меня на танец – всем приходилось танцевать до-си-до, хоть ты тресни, или механизм бы застопорило. Каждый играл жизненно важную роль в бесперебойной работе этой машины. Может, именно поэтому я так люблю вязать. Любое вязание – танец. Некоторые движения изящнее остальных, но все вместе они на своих местах и создают одно непрерывное вязаное полотно. И неважно – будет ли это *allemande left* или простой пируэт, каждое движение определяет танец, как каждая петля определяет вязание. И танец, и вязание состоят из отдельных элементов, расположенных и повторяющихся в определенном порядке, будь то движение тела, или пряжи, спиц или рук. Если вдруг ввести чарльстон посреди танго, или узор «павлиний хвост» посреди свитера с косами и жгутами, все это заметят.

Я всегда считала, что резинка – идеальное вязаное воплощение чечетки. Свяжителицевую петлю и изнаночную петлю – и вы выполните идеальный чечеточный шаг – шаффл болл ченч²⁵. Меняйте порядок лицевых и изнаночных петель от ряда к ряду, и беспорядочное шарканье сменится на более четкий и ритмичный тайм-степ²⁶. Косички добавляют легкие боко-

²³ Команда, после которой партнеры каждой пары должны в итоге оказаться лицом друг к другу.

²⁴ Do-si-do – команда, по которой партнеры каждой пары обходят друг друга по кругу и возвращаются в исходное положение лицом друг к другу.

²⁵ Название движения в чечетке, где также приняты английские названия без перевода. Shuffle ball change (шаффл болл ченч, шарканье и перемена ног) – четыре удара, происходящие от прикосновения подушечки ноги к полу при раскачивании сначала вперед, затем назад, затем подушечка той же ноги опускается на пол и подушечка другой ноги сменяет первую.

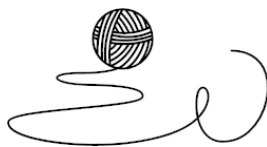
²⁶ TIME STEP (ТАЙМ СТЕП). Один из самых распространенных чечеточных стандартов. Восьмидольный steps, помещаемый зачастую в начало номера. Обычно исполняются шесть time steps, за которыми следует break. Возник в водевилях, для того чтобы задать музыкантам темп, так как номера в то время редко репетировались.

вые скольжения Боба Фосса²⁷ с характерной позицией нога-за-ногу и джазовыми пальчиками²⁸, быстро мелькающими в движении. Ажурные узоры ближе всего к классическому балету и сравнимы с вязанием «Лебединого озера» на спицах. Узор «павлиний хвост» – это балерина на сцене, сидящая, вытянув вперед ноги и раскрыв объятия небесам, вот она грациозно наклоняется вперед, пока она сама и ее ноги не сольются воедино, – легкое дуновение от накидов на спицу, складывающихся в плотное безмолвие двух петель, провязанных вместе.

А по-настоящему экспрессивный современный танец в стиле Марты Грэм?²⁹ Он увлечет вас в мир красочного вязания Каффе Фассетта³⁰ или в буйные цвета фри-форма, в неожиданную геометрию дизайнов Норы Гоан³¹ или бесконечный снуд-мебиус от Кэт Борди³².

В мире вязальной хореографии один из видов петель приводит меня в особенный восторг: закрытие петель тремя спицами. Такой способ используют, когда нужно соединить два ряда открытых петель – скажем, спинку и полочку кофты по плечевым швам – и при этом получить эффектный рельефный шов. Вязать его начинают, выровняв две спицы, ряды петель друг напротив друга. Одна за другой, каждая петля с одной спицы делает шаг вперед, чтобы присоединиться к своему партнеру. Обе петли провязываются вместе в одну петлю на правой спице. Следующая пара берется за руки и переходит на правую спицу, в то время как первая соединившаяся парочка петель перепрыгивает через вторую и уходит на полотно. Так они и идут, одна за другой, формируя упорядоченную линию связанных петель.

Каждый раз выполняя такой шов, я переносюсь мыслями обратно в столовую начальной школы имени Питера Хауэлла. На мне белые мешковатые штаны, голубые кроссовки «адидас» и любимая голубая клетчатая рубашка с вкраплениями золотых нитей и кнопками из искусственного жемчуга. Я приспособилась к своей странной новой жизни. Мой отец еще не женился вновь, все мои бабушки и дедушки пока живы, и я не знаю, что будет дальше. Я просто стою в шеренге, с нетерпением ожидая своей очереди шагнуть в центр, схватить за руку своего партнера по танцу и гордо продефилировать в конец строя.

²⁷ Роберт Луис Фосс или Боб Фосс (англ. Robert Louis Fosse / Bob Fosse, 23 июня 1927–23 сентября 1987) – американский хореограф, танцор, режиссер театра и кино, сценарист, актер.

²⁸ Элемент джазового танца, часто использовался Бобом Фоссом в его постановках. Обычно это протяннутая открытая зрителью ладошка и быстрое движение всеми пальцами.

²⁹ Марта Грэм (англ. Martha Graham, устаревший вариант написания фамилии – Грэхем; 11 мая 1894, Аллегейни – 1 апреля 1991, Нью-Йорк) – американская танцовщица и хореограф, создательница труппы, школы и танцевальной техники своего имени; выдающийся деятель хореографии США, одна из т. н. «великой четверки» (англ. The Big Four) основоположников американского танца модерн, куда также входили Дорис Хамфри, Чарльз Вейдман и Ханья Хольм.

³⁰ Каффе Фассет (иногда Кейф Фассет, англ. Kaffe Fassett) – знаменитый американский дизайнер, художник, известен прежде всего по красочным работам в стиле пэчворк, многоцветного вязания и жаккарда.

³¹ Нора Гоан (англ. Norah Gaughan) – знаменитый дизайнер вязаных узоров, автор бестселлеров по вязанию.

³² Кэт Борди (англ. Cat Bordhi) – преподаватель, дизайнер, писатель и автор сборника по технологиям вязания носков «New Pathways for Sock Knitters» («Новые направления в вязании носков»).

Дураков нет

Когда я родилась, мой отец позвонил двоюродной бабушке Кей прямо из больницы, чтобы сообщить ей новость. Позвонил за счет абонента, и бабушка так оскорбилась, что отказалась оплачивать звонок.

И так тяжело было ее бремя вины, что на мой шестой день рождения она решила реабилитироваться, отправив мне полный комплект мебели для спальни, который достался ей еще от матери. Именно о таком мечтает каждая шестилетняя девочка, не так ли? Тяжелый викторианский спальный гарнитур из резного ореха, из семи предметов мебели?

Да все это богатство даже не поместилось в моей крохотной комнате. Поэтому мне вручили только кровать, самый низенький из двух шкафчиков и туалетный столик с зеркалом – самый настоящий туалетный столик, за которым я провела всю свою юность, разглядывая себя в зеркале. Я совсем не была похожа на девочек из журнала для подростков Seventeen. Моя комната не походила на их комнаты, а моя жизнь... ну, с тем же успехом я могла бы жить на другой планете.

Но все же я сидела за этим туалетным столиком – с тушью от Maybelline и маленькой баночкой пурпурных теней – с такими красивыми серебряными блестками. Аккуратно нанося их на глаза, я мечтала, что каким-то магическим способом они сделают меня такой, как все.

К моменту окончания колледжа я совершенно отказалась от макияжа, сбросив с себя косметику как гнетущие покровы патриархата.

А потом, в 2009-м, я получила письмо по электронной почте. Компания Interweave³³ снимала сюжет для телешоу о конференции Национальной ассоциации рукоделия в Огайо. Они хотели сделать «безумно шерстяное» шоу, не хотела бы я принять в нем участие? Конечно, ответила я. Я могу болтать о шерсти часами, с камерами или без камер.

Все было прекрасно, пока продюсер не прислал мне по электронной почте основные требования для шоу. И там черным по белому, прямо под словами «сделать профессиональный маникюр», было ужасающее: «сделать специальный макияж для съемок».

Мысль о выступлении перед потенциальной аудиторией в миллионы людей ничуть меня не страшила. А вот перспектива нанесения макияжа? Кошмар. Той баночки с блестящими пурпурными тенями не существовало уже как минимум лет двадцать. У меня ничего не было. С тем же успехом они могли попросить меня возвести стену из гипсокартона или удалить аппендикс.

Я выбрала самый модный салон красоты в городе, ути-пути местечко, где подавали газированную воду в бокалах для вина, рекламировали массаж на четвертом этаже, ботокс – на пятом. Я записалась на урок визажа. «Можно записаться еще и на маникюр?» – внезапно для

³³ Interweave («Интевив», досл. сплестать, переплестать, ткать) – крупный медиахолдинг в США, специализирующийся на рукоделии. В него входит 16 журналов, издательство (выпустило около 300 книг), 30 сайтов, 3 телешоу и т. д.

себя спросила я. Какими странно иностранными были эти слова. Рот, ты кто? Что ты сделал с Кларой?

И вот я уже стою возле стола администратора и называю свое имя стройной женщине с идеальными зубами и в туфлях на невероятных каблуках.

Виляющей походкой она провела меня в комнату, похожую на гигантский церковный орган, только вместо клавиш, кнопок и рукояток в ней были ярусы рядов с тюбиками, баночками и бутылочками разных цветов, еще цветов, больше цветов, штабелями уходившими вверх, насколько хватало глаз. (Что, собственно, не так уж и высоко, учитывая, что во мне всего 1,58 м, но все же.) Ко мне с улыбкой повернулась молодая женщина. Я немедленно забыла ее имя, но оно определенно заканчивалось на звук «ииии». Мы поздоровались, и она выжидающе обвела взглядом комнату. Я догадалась, что она высматривала мою дочь – неуклюжего подростка, которую я предположительно привела на урок.

«Э-э-э, не... – объяснила я, – это для меня».

И мы начали. Она убрала мои волосы назад и стала втирать в мое лицо прохладный, слегка пощипывающий гель. «Я просто наношу тонер, чтобы убрать остатки макияжа».

«Об этом даже не беспокойтесь», – пробормотала я.

Так я просидела почти час, пока она растушевывала, грунтовала, орудовала кисточкой, обильно умачивая мое лицо слой за слоем кремами, пастами, пудрами и гелем.

Она жестоко издевалась надо мной, нанося все это только на одну сторону лица, а затем заставляя меня саму делать то же самое на другой половине. **Вскоре и стала похожа на потрепанную тряпичную куклу, перенесшую insult.** Она подробно комментировала все свои действия, рисуя завитки и символы на бумажке с изображением лица, а затем подписывала названия косметики и цвета. Только для глаз было двенадцать разных примечаний.

Пока я глазела на странное лицо в зеркале, она поинтересовалась, смогу ли я повторить процедуру сама достаточно уверенно?

«Ну да», – солгала я.

«Мне подобрать для Вас комплект косметики?» – спросила она.

«Э-э-э... давайте».

Стартовый набор начинался от 600 долларов. Мы медленно соскоблили с меня этот шедевр, пока не проступили черты моего собственного лица. Это был дикий перерасход бюджета, но что было делать? Это же телевидение, в конце концов.

Утром перед съемками я случайно встретила подругу в лифте отеля. Она внимательно и долго изучала мое лицо. «Ты выглядишь, – наконец выдала она, – как будто прекрасно выпалась». Думаю, она хотела сделать мне комплимент, но, как только съемки закончились, я вернулась в номер и стерла это хорошо отдохнувшее лицо теплым полотенцем, вернув себе свое – опухшее и уставшее. На полотенце, как на Туринской плащанице, отпечатался отчетливый контур лица.

Из косметологии ближе всего миру вязания – вышивка по вязаному полотну. Все остальное вязание предполагает создание основы из подручных материалов, шаг за шагом, петля за петлей; вышивка петлями – это гравировка новым цветом и нитями прямо поверх уже существующих петель. Наверняка вы слышали о таком пафосно-аристократическом названии, как швейцарская штопка.

Суть в том, чтобы с точностью повторить контуры уже существующей петли новой нитью, которая фактически станет ее копией. Но, как и с моим лицом для телевидения, все прекрасно видят – что-то изменилось.

Это шоу о вязании на самом деле не было моей премьерой на телевидении. В 1980-х годах, примерно во времена, когда вышивку петлями активно применяли на свитерах с гигантскими плечами, я играла в местном телевизионном шоу под названием «*Закоулки Элли*». Мы вместе с моими школьными друзьями написали, сыграли, отрежиссировали, спродюсировали,

сняли и отредактировали эту новаторскую драму, единственное величайшее достижение которой заключалось в эпизодическом появлении приглашенного Майкла Лэндона³⁴, ныне покойного.

Я играла Элли, остроумную владелицу бара, где ошивались все прочие персонажи – в те моменты, когда их не били по голове арбузами или они не симулировали полную потерю памяти в больнице.

Все это возымело свое продолжение в стремительной, но блистательной карьере дублирования роликов для телевидения, и если память меня не подводит, хватило ее ровно на один рекламный ролик. Я вошла в темную звукоизолированную комнату в одной из студий Тусона, надела наушники, каждый размером с пышку. Пристально вгляделась в моего персонажа на экране – женщину, передающую сумку покупателю и произносящую «спасибо». Это и было мое полотно.

Я хотела, чтобы все получилось безукоризненно, и тут же приступила к работе. Что ею двигало? Каковы были ее мотивы? Нравилась ли ей работа? Было ли это начало или конец ее смены? Пообедала ли она? Я пригляделась более внимательно. В выражении ее лица было нечто... возможно, они с этим мужчиной были любовниками много лет назад, и она надеялась, что он ее забыл, – и в то же время это причиняло ей боль, она чувствовала обиду, что он ее не помнит.

Мы записали около тридцати дублей, пока все не получилось как надо. Я пыталась сделать вставки настолько незаметными и ровными, насколько это возможно, но уверена, что мой голос, так же как и самые искусные петли вышивки, все равно выбивался из той сцены, гладкой во всех отношениях.

Вот так и получается вышивка петлями. Это озвучка, дубляж вязального мира, своего рода помада или парик, накладные ногти, свежий слой краски. Добавь чуть больше и вляпаешься в неприятности.

Вскоре после нашего переезда в Тусон мы с братьями стали свидетелями неудачной попытки такой штопки. После окончательного развода оба наших родителя решили удариться во все тяжкие и вспомнить молодость. Моя мать ходила на свидания со всякими разными уха-жерами, типа музыкантов, астрономов и официантов.

Мой отец вскоре влюбился в одну из своих студенток. Они планировали пожениться, но возникла небольшая проблема. Невеста принадлежала к церкви, которая не признавала разводы.

И чтобы новая семья могла состояться по правилам той церкви, брак моих родителей нужно было признать недействительным – не просто с того дня, а как будто «его никогда на законных основаниях и не было». Всем пришлось заполнять горы бумаг, отвечать на множество въедливых вопросов и пересылать денежные переводы. **А церковь достала гигантскую волшебную иглу, заправила в нее кипенно-белую акриловую нить и приступила к штопке моего законного детства новешенькими лживыми стежками.**

Конечно, эти новые петельки нитей были совершенно очевидны для всех, словно недо-тепа-детектив в темных очках и с фальшивыми усами прятался за горшком с пальмой. Меня это не впечатлило. Но зато этого оказалось достаточно для сильных мира сего. История аннулирована, брак можно заключить.

Сейчас я живу в старом фермерском доме моей двоюродной бабушки Кей, и тот спаль-ный гарнитур все еще у меня. Но теперь вместо прыщей и подростковых страхов в зеркале отражаются седеющие волосы и странные морщинки, там, где когда-то моя кожа была гладкой.

³⁴ Майкл Лэндон (англ. Michael Landon, наст. имя Юджин Морис Оровиц (англ. Eugene Maurice Orowitz), 31 октября 1936–1 июля 1991) – американский телевизионный актер, продюсер, сценарист и режиссер, наиболее известный благодаря главным ролям в трех длительных телесериалах «Бонанца», «Маленький домик в прериях» и «Шоссе в рай».

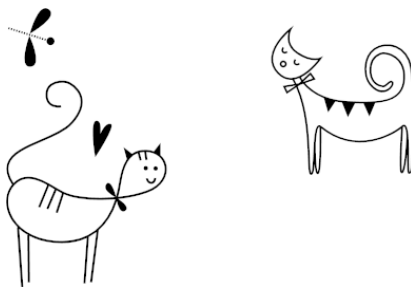
А еще в зеркале я вижу искушение начать дублировать, штопать, замазывать трещинки толстыми слоями шпатлевки.

Но это не поможет. Я думаю о красивых женщинах из того ути-пути салона красоты, с волосами немыслимого в природе цвета, с лицами, застывшими в вечном удивлении. Или о своем лице для телевидения, или даже о той оттопыривающейся заплатке из белых акриловых нитей, которой было заштопано полотно моего детства.

Никого не обманешь. Дураков нет.

Как растет ваш сад?

Садоводство – это крайнее проявление оптимизма. Мы сажаем, ухаживаем, пропалываем, поливаем и ждем с надеждой, что вырастет нечто прекрасное. Иногда так и происходит, иногда – нет. Садоводы волей-неволей учатся быть философами.

Так и с пряжей. Вязальщицы – заядлые садоводы пряжи, все без исключения. У нас есть регулярные сады во французском стиле, пряжа аккуратно рассажена по красивым контейнерам и коробкам. Опрятность и порядок превыше всего. У кого-то даже есть база данных, где отсортированы все запасы пряжи для облегчения поиска.

Более взъерошенный британский стиль садоводства – с его поросшими мхом тропинками, с беспорядочными и буйными нагромождениями клубков и мотков живых изгородей, с выплывшими корзинами, которые выглядят так, словно они простояли тут целую вечность.

И японская система «природного земледелия» от Масанобу Фукуока³⁵, которая не приемлет ни рыхления, ни вспашки, ни химических удобрений, ни прополки, ни пестицидов и гербицидов, ни даже подрезки.

Он позволял растениям выбирать свой собственный путь – это как моток пряжи вдруг сам собой поселяется под диванными подушками, за банкой для печенья или внутри пианино.

В здоровом саду пряжи представлен широкий спектр самых разных растений – однолетних и многолетних, лиственных и хвойных, корневых и клубневых. Большинство из нас покупают пряжу, как рассаду из садово-пряжного магазина, предпочитая уже готовые к посадке клубки, мотки и пасму. Но особые ценители ручного «вернемся-к-нашим-барашкам» прядения предпочитают взрастить свою собственную пряжу из семян. Они испытывают практически родительские чувства, наблюдая за каждым моментом роста пряжи, от крошечных отдельных волокон до вызревания в полноценный моток и, наконец, в готовую одежду.

Однолетники – это кайф, это мотки пряжи, доступные только в ограниченном количестве и только на короткий промежуток времени, их хватает только на один сезон, а затем они исчезают навсегда. Запастись! Купить еще! Ведь неизвестно, будет ли снова такой разнообразный выбор сортов. Эта пряжа дает возможность вновь высаживать, обновлять и рисовать в воображении наши сады пряжи из года в год.

Но некоторые применяют более практичный подход, разбивая свои сады пряжи на основе стойких многолетников, которые в перспективе станут цвести год за годом. Они пополняют тайные запасы старой доброй и проверенной временем пряжей Brown Sheeps и Cascade 220, ведь она так или иначе будет доступна всегда.

Тайные запасы, как и сады, могут преподносить приятные сюрпризы. Как, например, запасы моей бабушки. Как единственная прирожденная вязальщица в нашей семье, я унасле-

³⁵ Масанобу Фукуока (2 февраля 1913–16 августа 2008) – японский фермер, философ, реформатор сельского хозяйства. Разработал принципы натурального, «природного» земледелия, предполагающего сведение к минимуму вмешательства человека в процесс выращивания сельскохозяйственных культур.

довала всю ее пряжу, хранящуюся в большом пароходном кофре с нарисованными красной краской ее девичьими инициалами РЛ.

По моткам пряжи из кофра можно проследить всю ее жизнь. Здесь была недорогая детская пряжа, из нее вязалась одежда еще для моей мамы. Пакет со светло-голубыми кашемировыми клубочками, купленными в Лондоне после окончания войны, когда жизнь только-только начала входить в привычное русло. Бумажный пакет деревенской темно-синей шерстяной пряжи, подписанный карандашными каракулями «Бруксвиллская пряжа», был приобретен в одноименном городе несколько лет назад, когда там еще существовал магазин пряжи. Было там несколько мотков шерсти лопи, закупленных во время давнишней поездки в Исландию, и это ознаменовало кардинальные перемены в производстве ее вязаной продукции. В результате она обрядила всех моих братьев и меня тоже в исландские свитера лопапейса³⁶. И наконец, там были однолетники, некоторые даже без названия, без этикетки, совершенно удивительные мотки слабоскрученной трехниточной пряжи различных оттенков коричневого и бежевого. Подозреваю, что это какая-то смесовая альпака из Южной Америки, куда моя бабушка ездила вместе с дедушкой в 1950-х годах посмотреть на солнечное затмение. Во время полета над Амазонкой у самолета отказал двигатель.

Так и сады могут рассказывать истории и хранить секреты, годами дремлющие в ожидании, чтобы проявиться, когда этого меньше всего ожидаешь. Энергичная обрезка шиповника в семейном фермерском доме этой весной вдруг открыла не один, а сразу два пиона, и потрясюще красный мак; ни я, ни мои братья, ни даже моя мама не припомнят, чтобы видели раньше хоть один из этих цветов. Скорее всего, их посадила моя прабабушка более семидесяти лет назад. Она умерла вскоре после моего рождения, но ее сад все еще преподносит подарки и сюрпризы.

Как бы ни было трудно, я должна признать, что здоровые запасы требуют частого и бережливого прореживания. Множество тайников с пряжей способны заполнить все вокруг, прежде чем вы заметите, что происходит, – так буйно разросшиеся белые флоксы вдруг поглотили мои ярко-пурпурные физостегии, а затем и всю садовую дорожку целиком.

Лишь один визит в подсобные помещения магазина пряжи WEBS в Нортгемптоне, штат Массачусетс, туда, где полки доверху завалены кучей распродажных и уцененных товаров, – и совершенно внезапно мои припасы бесконтрольно пополнились слишком темно-фиолетовой ангорой, которую я просто обязана была купить, ведь каждый моток был уценен с 28 до 4 долларов. (Хорошо, вижу, вы со мной согласны.)

Прореживание – это непросто. Как мучительно выдергивать здоровый росток из его уютного гнездышка и выкидывать его в кучу компоста, обрекая на медленную и мучительную смерть. Пропалываю я из рук вон плохо, и мой сад от этого страдает. А все потому, что я всегда пытаюсь пристроить саженцы на новое место, если уж я больше не могу приютить их у себя. Точно также я пытаюсь пристроить пряжу, которая у меня загостилась. Излишки для одного – это сокровища для другого, и все мы принимаем участие в этой игре. Мы обмениваемся своими припасами, мы публикуем списки лишней пряжи онлайн, электронная версия пресловутых тележек по обочинам дороги, наполненных лилейниками с пометкой «бесплатно». Мы сделаем все от себя зависящее, лишь бы не выкидывать пряжу совсем. Природный невероятный (и непредсказуемый) показатель выживаемости вынуждает нас покупать больше растений, чем нужно, ведь мы знаем, что приживутся не все. То же самое относится и к пряже. Чтобы под рукой было все, что только может понадобиться, нужно запастись больше, чем мы на самом деле способны использовать.

³⁶ Традиционный исландский свитер, и иногда так называют стиль этой разновидности жаккардового вязания. Дословно «лопапейса» означает свитер (пейса), связанный из лопи.

А потом, когда меньше всего ждешь, случается катастрофа. Собирая урожай пряжи, мы вдруг замечаем хрупкие полупрозрачные оболочки личинок. Моль. Как только появляется моль, как тля в теплице, любой здравомыслящий садовник пряжи тут же начинает действовать. Каждый моток нужно вытащить на солнечный свет, проветрить и проверить на предмет повреждений.

Сады пряжи могут пострадать и от крупных вредителей, как, например, от моей племянницы, которая открыла для себя существование ножниц и пряжи в одно и то же время.

Она обошлась с пряжей *Noro Kureyon*, как сурок, за которым я однажды наблюдала, – он встал на задние лапки, схватил высокий стебель эхинацеи и целиком запихал цветок себе в рот.

Хрум-хрум-хрум.

Я нашла его норку и, испытывая жуткое чувство вины, залила водой, но сурок вернулся. Я высыпала две баночки жгучего перца вокруг норки, но он все равно вернулся. Единственный способ избавиться от таких вредителей – это физически убрать их раз и навсегда – вытащить ребенка из пряжи и переместить на крыльцо, дав крепкий нагоняй, поймать сурка в клетку-ловушку и отправить его в неожиданное и далекое путешествие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.